

СИРАН ДЖЕЙ ЧЖАО

Перевод Эвелины Несимовой
и Ольги Глушковой

ЖЕЛЕЗНАЯ ВДОВА

18+

Young
Adult

МИО

МИФ Проза

Сиран Чжао

Железная вдова

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2021

УДК 82-312.9(510)
ББК 84(5Кит)6-445

Чжао С. Д.

Железная вдова / С. Д. Чжао — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2021 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-195266-4

Цзэтянь живет в мире, который уже несколько столетий ведет войну с захватчиками. Главное оружие этой войны – истребители, управляемые жизненной энергией пары пилотов – мужчины и женщины. Женщины, отдав всю энергию, умирают в первом же бою. Но Цзэтянь выходит из кабины невредимой. Теперь ее называют Железной Вдовой, и совладать с ее силой может только один мужчина-пилот – Ли Шиминь, убийца, Железный Демон. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-312.9(510)

ББК 84(5Кит)6-445

ISBN 978-5-00-195266-4

© Чжао С. Д., 2021
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2021

Содержание

Пролог	8
Часть I. Путь лисицы	11
Глава 1. Просто бабочка или моя мертвая сестра?	11
Глава 2. Вода, выплеснутая за дверь	17
Глава 3. Жизнь, которой тебе хочется	24
Глава 4. Готова служить	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сиран Джей Чжао

Железная вдова

Original title:

Iron Widow

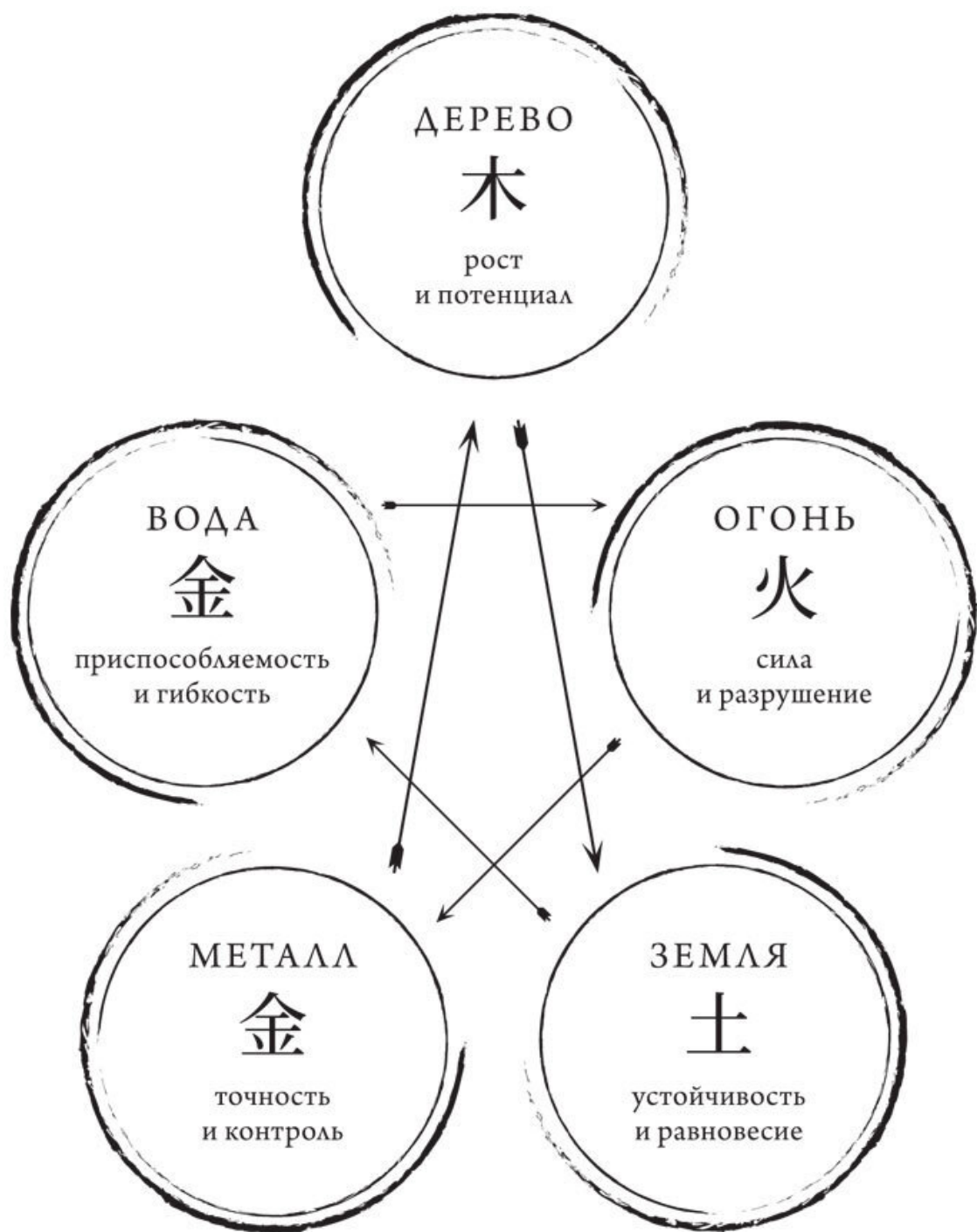
Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Text © 2021 by Xi Ran Zhao

Published by arrangement with Penguin Random House Canada Young Readers, a division of Penguin Random House Canada Limited.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

В книге использованы иллюстрации по лицензии © [shutterstock.com](https://www.shutterstock.com)

Внимание! В книге содержатся сцены физического насилия, обсуждаются идеи самоубийства, сексуального насилия (хотя и без его графического изображения), описаны злоупотребление алкоголем и пытки.

Книга не является историческим фэнтези или альтернативной историей. Это футуристическое произведение, описывающее совершенно другой мир, вдохновленный культурными элементами китайской истории. Присутствующие в ней исторические лица переосмыслены в ином жизненном контексте. Автор позволила себе значительную художественную свободу этого переосмысления, в частности в том, что касается происхождения исторических персонажей или их возраста относительно друг друга, ибо

точное соответствие той или иной эпохе целью не ставилось. Чтобы получить представление о подлинной истории, рекомендуется обратиться к документальным источникам.

Посвящается Ребекке Шеффер, которая неизменно поддерживала меня на пути от цифры в статистике к бойцу, достаточно сильному, чтобы написать эту историю

Пролог

Хундуны¹ приближались. Целое стадо двигалось в ночной глуши, гроыхая и поднимая темную бурю пыли. Их округлые, лишенные лиц тела, сделанные из дух-металла, мерцали в свете серебристого полумесяца и усыпавших небо звезд.

Пилоту послабее пришлось бы сначала побороть страх, а уж потом выходить на битву с ними, но Ян Гуан сохранял хладнокровие. У подножия сторожевой башни, расположенной сразу за Великой стеной, он разбудил свою хризалиду² – Девятихвостую Лисицу, огромную, высотой с семи- или восьмиэтажное здание, щетинистую и зеленую. Тяжелая поступь ее металлических когтистых лап сотрясла землю.

Хризалида – не обычная боевая машина. Ян Гуан управлял ею не с помощью штурвала или рычагов, как в случае с электрической каретой или планолетом. Нет, он становился ею. Пока его тело, обхватившее руками пилота-наложницу, недвижно покоилось в кабине, мозг командовал Лисицей, бросая ее в атаку на приближающееся стадо. По обеим сторонам от Лисицы на большом расстоянии неслись вперед две другие хризалиды.

Через тонкие, как волоски, иголки, вживленные в позвоночник и соединявшие его с сиденьем пилота, Ян Гуан заряжал Лисицу энергией своего ци. Ци – жизненная субстанция, питающая все в мире: от роста листьев до пламени и движения небесных тел. Ян Гуан использовал не только свое ци – через нервную систему хризалиды он высасывал соки еще и из пилота-наложницы. Ее разум, слишком слабый, чтобы сопротивляться, затерялся где-то глубоко в разуме пилота. Обрывки ее воспоминаний нервировали его, но он старался не обращать на них внимания. Лучше знать о наложницах как можно меньше. От нее нужно только одно – отдать свое ци, умножая тем самым духовное давление, помогающее управлять такой крупной хризалидой.

Стайки разноцветных хундунов класса «Народ» приблизились к Ян Гуану первыми. Они были похожи на огромных металлических жуков, стремящихся покусать Лисицу и убить пилота. Их тела, тусклые в свете звезд, время от времени вспыхивали, выстреливая оружейное ци в виде ярких вспышек или трескучих молний. Если бы Ян Гуан встретился с ними в своем человеческом обличье, они бы нависли над ним, громадные, как дома, и мгновенно превратили бы его в пар. Но пока он пилотирует Лисицу, они для него слишком малы, чтобы причинить вред. Круша врагов в когтях Лисицы, он ощущал чужие эмоции: печаль, ужас, гнев – неконтролируемые и беспорядочные, как помехи. Гуан не знал, каким именно образом хризалид делают из хундунов, – доступ к подобным знаниям имели лишь инженеры высшего уровня, – но люди, вот уже несколько веков работавшие над боевыми машинами, так и не смогли избавиться их от этого дефекта. Протыкая оболочку хундуна, пилот чувствует то же, что чувствует противник.

Пилоты редко рассказывают публике о том, насколько тяжела эта часть битвы – сопротивление посторонним эмоциям.

Ян Гуан считался одним из самых сильных из ныне живущих пилотов именно потому, что умел отстраниться. Сопrotивляясь психологическому натиску, он продолжал громить хундунов. Девять лисьих хвостов с треском рассекали воздух позади, словно девять новых конечностей, со звучным лязгом отбрасывая врагов покрупнее.

Ян Гуан не испытывал к ним жалости. Хундуны – захватчики из космоса – стерли в пыль человеческую цивилизацию две тысячи лет назад и раскололи человечество на разрозненные племена. Если бы Желтый Властелин – легендарный вождь одного из племен, – воспользовав-

¹ Хундун (более точная транслитерация – хундунь) в переводе с китайского – «первичный мрак». Существо из китайской мифологии, воплощение изначального хаоса, из которого возникла Вселенная. Обычно описывается как мешок красного или бежевого цвета, без рта, глаз, ноздрей, ушей и головы, с шестью лапами и четырьмя крыльями. *Здесь и далее прим. пер.*

² Хризалида – куколка насекомых.

шись помощью богов, не изобрел хризалид, цивилизация никогда бы не восстановилась и вся планета принадлежала бы хундунам.

Видеодроны жужжали вокруг Лисицы, как красноглазые мухи. Часть из них принадлежала Армии освобождения человечества, других прислали частные медиакомпании, транслировавшие сражение по всей Хуася³. Ян Гуан держался в состоянии наивысшей бдительности, не позволяя себе ошибиться, чтобы не разочаровать своих фанатов.

– Девятихвостая Лисица, в этой стае есть хундун класса «Принц», – раздался в динамиках крик военного стратега.

Ян Гуан удвоил бдительность. Хундун класса «Принц» – редкий противник, относящийся к тому же классу, что и Лисица. Если удастся захватить его с минимальными повреждениями, из него можно будет сделать новую хризалиду класса «Принц» или предложить богам в обмен на какие-нибудь крупные дары, например инструкции к прорывным технологиям или лекарства. И в случае победы боевой ранг самого Гуана резко повысится. Может, ему наконец удастся обскákat Ли Шиминя. Этот убийца все равно не заслуживает звания ведущего пилота.

Чтобы сделать точный выстрел, нужно придать Лисице более сложную форму.

– Син Тянь, прикрой меня! – крикнул он ближайшему товарищу через пасть Лисицы. Его голос, усиленный с помощью ци, прогремел над полем битвы. – Начинаю трансформацию!

– Есть, полковник! – проревел Син Тянь из Безголового Воина – хризалиды, чьи сверкающие желтые глаза располагались на месте сосков, а рот пылал на животе. Машина встала перед Лисицей и принялась крошить роящихся хундунов топором из дух-металла. Враги умирали, разбрасывая брызги света.

Получив защиту, Ян Гуан начал прогонять свое ци через Лисицу с самым мощным духовным давлением, на какое был способен. По щетинистой зеленой шкуре хризалиды побежали сияющие трещины.

Хотя хризалиды создавались из оболочек хундунов, они во всем затмевали своих предшественников. Безмозглые пузыри-хундуны не умели раскрывать потенциал того самого дух-металла, из которого были сделаны.

Но люди умели.

Ян Гуан представил себе Возвышенный Облик, и Лисица начала превращаться. Конечно-сти удлинились и утончились, туловище сократилось, плечи откинулись назад. Машина теперь слегка напоминала человека. Девять хвостов заострились, как копья, и раскрылись веером в нижней части спины, подобно солнечным лучам. Так настоящие девятихвостые лисы топорщат хвосты, чтобы запугать противников. Пилот поставил Лисицу на две ноги – его ци, подкрепленное более высоким духовным давлением, позволяло держать равновесие в такой позе. А значит, передние лапы хризалиды освободились для оружия.

Дотянувшись через плечо, Ян Гуан обхватил лапой хвост-копье, выдернул его из спины и бросился в бурлящую толпу хундунов. Наконец он обнаружил «Принца». Низко присел и подпрыгнул, оторвавшись от земли. Взлетело копье, росчерком лунного света нарисовало в ночи дугу и вонзилось в круглое тело хундуна – аморфное, если не считать шести ног, похожих на лапки жука. Дух-металл разлетелся на куски с эффектным дребезгом, словно взорвался склад фарфоровой посуды. Ян Гуан боролся с потоком гнева и ужаса, испускаемым врагом, пока свет из заполненного ци ядра хундуна не расплылся и не погас.

Восторженно закричали остальные хризалиды, отбивавшие натиск мерцающих хундунов. Видеодроны приблизились к оболочке «Принца», и Ян Гуан представил себе обывателей по всей Хуася, аплодирующих перед своими экранами. Его переполняло радостное возбужде-

³ Хуася (Huaxia) – одно из неформальных самоназваний Китая, историческая концепция, представляющая китайскую нацию и цивилизацию и возникшая как результат осознания китайцами общности культурного и исторического наследия своих древних предков.

ние. Отклонившись назад, он выдернул копьё из тела хундуна. И все-таки даже теперь, когда контакт прекратился, чужой страх по-прежнему метался в его голове.

Это страх наложницы поднимался в нем, как волна.

В такие моменты Ян Гуан понимал, что разум наложницы уже не сможет вернуться в ее тело. Сейчас пилот подсознательно контролировал ее полностью, включая сердцебиение. Когда он отделится от нее, сердце девушки остановится и она уйдет в потусторонний мир. Иного не дано.

Важно, что ее семья получит жирную компенсацию. Зная это, девушка упокоится с миром в Желтых Источниках.

Он не помнил, как ее звали. Постарался не запоминать. Он прошел через столько пилотов-наложниц, что уследить за ними было невозможно, это ослабило, отвлекло бы его. А он не позволит себе отвлечься. Он должен защищать мир.

Она знала, на что шла. Она сама приняла решение поступить к нему на службу.

Ян Гуан сосредоточился на битве, продолжая крушить и пронзать копьём оставшихся хундунов. Пусть его фанаты знают: их родина пребудет в безопасности.

Благородная жертва наложницы была не напрасна.

Часть I. Путь лисицы

«В горах водится существо, похожее на лису, с девятью хвостами; звук его голоса напоминает плач младенца. Оно питается человеческой плотью».

Книга Гор и Морей⁴

Глава 1. Просто бабочка или моя мертвая сестра?

На протяжении восемнадцати лет сросшиеся брови спасали меня от продажи, а значит, от мучительной, ужасной смерти.

Сегодня я освобождаю брови от их милосердных услуг.

Вообще-то не я. Это Ичжи орудует пинцетом, который оставила моя сестра. Упираясь коленями в бамбуковую циновку, расстеленную на сырой лесной земле, мой друг держит меня за подбородок и выдергивает волосок за волоском. Кожа моя горит, словно ее медленно поджаривают. Иссиня-черные пряди его уложенных в прическу волос шуршат при каждом движении, скользя по бледному шелку его одеяния. Мои собственные волосы, значительно менее ухоженные, закручены в пучок и подвязаны рваной полоской ткани. Благодаря этой засаленной тряпочке пряди не падают мне на лицо.

Все это время я напускаю на себя невозмутимый вид. Но моя ошибка в том, что я слишком долго вглядывалась в деликатные черты Ичжи, стараясь запечатлеть их в памяти, чтобы было за что ухватиться в последние дни моей жизни. Желудок сжимается, что-то жаркое давит изнутри на глаза. Я зажмуриваюсь, пытаюсь загнать слезы назад, но получается ровно наоборот – они прорываются на свободу. Да, так оно всегда и бывает.

Конечно, Ичжи их замечает и останавливается, чтобы выяснить, что случилось. Хоть у него и нет никаких поводов считать, что слезы – нечто большее, чем реакция на насилие над моей кожей.

Хоть он и понятия не имеет, что это наша последняя встреча.

– Ты в порядке, Цзэтянь? – шепчет он. Держащая пинцет рука застывает в воздухе, пропитанном паутинкой брызг. Неподалеку от того места, где мы прячемся под низкорослыми деревьями, струится водопад, и стремительно несущийся поток заглушает наши голоса, мешая посторонним нас обнаружить.

– Была бы в порядке, если бы ты не останавливался то и дело. – Я закатываю припухшие глаза. – Давай уже. Не обращай внимания, прорвемся.

– Хорошо. Ладно.

Нахмуренный лоб разглаживается, лицо расцветает улыбкой, способной сломить меня окончательно. Ичжи вытирает мои глаза рукавами своих элегантных шелковых халатов, надевших один на другой. Это рукава богатого человека, слишком длинные и свободные, слишком непрактичные. Я подшучиваю над ними при каждой нашей встрече. Впрочем, справедливости ради, Ичжи не виноват в том, что его отец не позволяет ему и двадцати семи его братьям и сестрам покидать дворец, если они не наряжены в дорожную брендовую одежду.

Ясный солнечный свет, пробившийся после многодневных дождей, изливается на наш тайный мирок, состоящий из влажного тепла и пляшущей листвы. Бледные руки Ичжи укрыты лоскутным покровом из света и тени. Острые и яркие запахи весенней зелени такие насы-

⁴ «Книга гор и морей» – древнекитайский трактат, описывающий реальную и мифическую географию Китая и соседних земель и обитающих там созданий.

ценные, что, кажется, их можно черпать ложкой. Колени Ичжи – он даже на коленях сидит благопристойно и чопорно – держатся на крохотной, но непреодолимой дистанции от моих небрежно согнутых ног. Его роскошный наряд до нелепого контрастирует с моим – поношенной туникой и брюками из грубой домотканой материи. До нашей встречи я и представления не имела, что ткань может быть такой белой и мягкой.

Он начинает выщипывать быстрее. Это и правда больно, словно моя монобровь – живое существо, по кусочку раздираемое на две половины. Так что если я снова расплачусь, это не вызовет подозрений.

Мне не хотелось просить помощи у Ичжи, но я знала, что не смогу встать перед зеркалом и выщипать брови сама. Я думала бы только об одном человеке – моей старшей сестре, Жуи, а это очень больно. Я стану слишком похожа на нее без этой растительности, снижающей мою рыночную стоимость.

К тому же я себе не доверяю, ландшафтные работы – точно не мой конек. У меня ни за что не получились бы одинаковые брови. А с разными бровями – кому я нужна? Никто не завербует меня на неизбежную смерть.

Я пытаюсь отвлечься от жгучей боли, уткнувшись в планшет, лежащий на коленях Ичжи, и пролистывая заметки, которые он сделал в школе за месяц после нашей предыдущей встречи. Каждое прикосновение к экрану – действие еще более предосудительное, чем наше тайное свидание в приграничных горах среди зелени и весеннего тепла, чем тот факт, что мы вдыхаем один и тот же пахнувший землей, дурмящий воздух. Старейшины в моей деревне говорят, что девушкам нельзя прикасаться к этим божественным устройствам, поскольку мы оскверним их своей порочной женственностью или чем-то таким. Только благодаря богам в небесах технологии вроде этих планшетов были восстановлены после веков забвения. Но мне плевать на старейшин и на богов. Если они не уважают меня только за то, что я оказалась в «неправильной» половине населения, то и я не намерена их уважать.

Экран сияет, как луна, на фоне затененного листьями халата Ичжи, прельщая меня знаниями, которые мне иметь не полагается, знаниями, пришедшими из мира за пределами убогой горной деревушки. Искусство. Наука. Хундуны. Хризалиды. У меня руки чешутся от желания придвинуть планшет поближе, но и он, и я должны оставаться на своих местах. Конус неоновых световых лучей изливается из выемки на планшете, проецируя на мое лицо идеальные брови. Ичжи и его потрясающие городские технологии никогда не разочаровывают. Я солгала, что семья выдала мне «последнее предупреждение» по поводу моноброви, и мой друг настроил эту штуку всего за несколько минут.

Интересно, как сильно он меня возненавидит, узнав, в чем помог мне на самом деле.

С веток на наши головы падают капли. Одна скользит по щеке Ичжи. Он так погружен в работу, что не замечает этого. Я смахиваю костяшками пальцев влажный мазок с его щеки.

Он испуганно распахивает глаза. Его холеная, почти прозрачная кожа заливается краской.

Не в силах сдержаться, я улыбаюсь. Расправляю ладонь, прикасаюсь к нему кончиками пальцев, подмигиваю.

– Ну как там? Мои брови неотразимы?

Ичжи разражается смехом – более громким, чем обычно, потом прикрывает рот рукой и оглядывается, хотя мы надежно укрыты.

– Прекрати, – произносит он тише, избегая моего взгляда. Смех становится легким, как перышко. – Не мешай работать.

Его щеки наливаются румянцем все больше и больше, и меня охватывает чувство вины. «Скажи ему», – умоляет мой мозг.

Но я лишь опускаю руку как можно небрежнее и переключаюсь на новый раздел его школьных заметок – статистический анализ динамики хундунских атак.

Я не подвергну опасности свою миссию, рассказав о ней Ичжи. Что бы он ни думал о наших отношениях, я не принимаю их слишком всерьез – это было бы ошибкой. Он сын самого богатого человека в Хуася, а я обычная девушка из приграничья, которую он встретил случайно, в поисках самого тихого и отдаленного места, куда можно добраться на планоцикле. Если нас застигнут, это не его затолкают в клетку для свиней и утопят во имя семейной чести. И не важно, что мы никогда не переступали черту, которую переступать нельзя.

Мое внимание переключается на его губы, взгляд скользит по их нежным изгибам, и я вспоминаю, как однажды с восхищением сказала ему, что они выглядят необычайно мягкими. Он признался, что такой эффект получается благодаря четырехступенчатой процедуре отшелушивания и увлажнения, и я расхохоталась до слез, а потом прикоснулась к его губам, и вдруг оказалось, что я уже не смеюсь, а просто смотрю в его глаза и стою слишком близко.

Тогда я немедленно отстранилась и сменила тему.

Какая-то незащитная, уязвимая часть моего существа тоскует о том, что никогда не случится между нами. Но я не могу и не пытаюсь исключить вероятность, что для Ичжи это не более чем игра. Что я не единственная крестьянская девушка, которую он навещает в свободные дни. Что, наигравшись со мной, он не запахнет свои безупречные халаты и не рассмеется мне в лицо. Не рассмеется над тем, что ему удалось одурманить меня нежными улыбками и проникновенным шепотком, хотя для меня это вопрос жизни и смерти, а для него значит так мало.

Может, моя осторожность возбуждает его еще больше, именно поэтому он появляется в конце каждого месяца вот уже три года.

Может, я никогда не узнаю его истинных побуждений. Ну и не надо. Пока я не поддаюсь собственным чувствам, я в этой игре не проиграю.

Впрочем, будем реалистами: даже если вся деревня наткнется на нас в эту самую секунду, меня не утопят. Я наконец выполняю желание моих родичей: навожу красоту, чтобы они могли продать меня в армию на роль пилота-наложницы. Как они сделали с моей сестрой.

Разумеется, они не знают о моих грандиозных смертоносных планах.

Ичжи переключается на нижний край моих бровей, а мой палец висит над изображением битвы между хризалидой и хундуном. Хризалида – Белый Тигр – пропорционально сложенная, яркая, никогда не догадаешься, что она сделана из оболочки округлого, лишнего черт хундуна. Она изображена в своем Геройском Облике – высшей форме трансформации – и выглядит как человекоподобный тигр, сделанный из гладкого, молочно-белого стекла. Части, из которых состоят доспехи, обрамлены сияющими зелеными и черными каемками, размытыми, потому что хризалида поймана на снимке в движении – поднимает свой гэ⁵ размером с дерево. Белый Тигр – фаворит в армии, его часто используют для рекламы, а мне смотреть на него даже утешительно. Юноша и девушка, которые им управляют, – Слаженная Пара. В их случае невелик риск того, что разум юноши поглотит разум девушки и убьет ее по окончании битвы.

В отличие от судьбы девушек-пилотов в большинстве других случаев.

Я боялась, что именно такая смерть настигнет мою старшую сестру, когда наша семейка заставила ее завербоваться в качестве пилота класса «Принц» – второго по мощности в табели о рангах. Но она даже не добралась до поля битвы. Пилот убил ее обычным, физическим способом. Не знаю за что. Семье вернули только ее прах. И вот уже восемьдесят один день они страшно горюют... потому что не получили крупную компенсацию за смерть в сражении. А ведь они так на нее рассчитывали.

⁵ Гэ – один из видов колюще-рубящего древкового оружия, которое использовалось в Древнем Китае. Состоит из кинжалообразного лезвия из нефрита, бронзы, а позднее из железа, прикрепленного под прямым углом к деревянной рукоятке. Похож на косу или ледоруб.

Забавно. Старшую всю жизнь окружали заботой.

«Когда Жуи выйдет замуж?»

«А может, лучше пусть завербует в армию?»

«Ох, не слишком ли долго Жуи просидела на солнце? Что-то она потемнела».

Но с того самого момента, как пришла весть о ее смерти, они перестали о ней вспоминать. Никто даже не спросил, что я сделала с прахом. Только Ичжи и я знаем, что ее прах унес ручей, около которого мы сидим. Это наша маленькая тайна – между ним, мной и ею.

Подняв глаза, я замечаю настоящую хризалиду бабочки, свисающую с ветки за спиной Ичжи. Боевые хризалиды названы так в их честь, потому что, как говорят, погибшие пилоты перевоплощаются в бабочек. Если это так, надеюсь, вот эта бабочка – не моя сестра. Надеюсь, она ушла далеко-далеко – туда, где до нее не дотянутся деревенские старейшины, сплетники, всюду сующие свой нос, и подонки пилоты.

Нарождающаяся бабочка вот уже некоторое время пытается выбраться из куколки, шевелясь под ее поверхностью. Наконец ей удастся прорвать оболочку. Вылезает головка, потом выскакивает покачивающийся усик. И в торжественном финале она выкарабкивается из куколки вся, как распутившийся цветок.

В наших лесах бабочки – обычное явление, так что в этом зрелище нет ничего особенного.

Но когда она расправляет крылышки, я замечаю, что рисунки на них разные.

– Ничего себе! – Я выпрямляю спину.

– Что? – Ичжи оглядывается через плечо.

– У этой бабочки разные крылья!

Ичжи удивленно хмыкает, а значит, такая бабочка – не типичное явление, о котором я не знаю только потому, что я простая приграничная крестьянка.

– Брови готовы, – сообщает он и поднимает планшет, чтобы снять бабочку на видео.

Наши глаза нас не обманули. Одно крыло черное с белой точкой, а другое белое с черной точкой – как символ инь-ян. Эти бабочки так и называются, но я никогда не видела, чтобы на их крыльях были одновременно инь и ян.

– Как такое возможно? – Я глупо таращу глаза.

– Ты знаешь, что делать, когда у тебя появляются вопросы, – с улыбкой отвечает Ичжи.

– Поняла, сейчас поищу.

Я открываю в планшете поисковик, как научил меня Ичжи. Пользоваться им несложно – нужно просто ввести ключевые слова моего вопроса. Но ошеломляющий результат не укладывается в голову. Всего лишь пара прикосновений – и ты получаешь доступ ко всем знаниям, которые городские ученые воссоздали из таинственных инструкций, сбрасываемых богами в обмен на достаточно большую дань.

Я сосредоточенно прищуриваюсь, просматривая научные статьи, появившиеся в результатах поиска. Читать их гораздо сложнее, чем школьные записи Ичжи, но я твердо намерена разобраться сама.

– Похоже, если у бабочки разные крылья, то она одновременно и самец, и самка. – Я изумленно распахиваю глаза. – Так бывает?

– О да, в природе биологический пол имеет множество вариаций. – Ичжи устраивается рядом со мной на бамбуковой циновке, подобрав полы халатов, чтобы они не лежали на серой земле. – Встречаются даже существа, которые меняют пол в зависимости от своих потребностей.

– Но мне говорили... – Я смаргиваю. – Мне говорили, что самки являются самками потому, что их изначальное ци базируется на инь, а самцы являются самцами потому, что их изначальное ци базируется на ян.

Инь и ян – противоположные силы, которые, смешавшись, породили Вселенную. Инь представляет все холодное, темное, медленное, пассивное и женственное. Ян представляет все горячее, светлое, быстрое, активное и мужественное.

По крайней мере, так мне говорила мать.

Ичжи пожимает плечами:

– Думаю, нет ничего окончательно застывшего. В ян всегда присутствует немного инь, и наоборот. Это отражено в самом символе. Я тут подумал и вспомнил, что иногда рождаются даже люди вроде этой бабочки, их пол невозможно определить.

Я распахиваю глаза еще шире.

– И в каком кресле будет сидеть такой человек, если станет пилотом?

В каждой хризалиде кресла расположены одинаково. Девушки садятся в нижнее, инь, а юноши позади них в сиденье, расположенное повыше, – ян – и обхватывают напарниц руками.

Ичжи барабанит пальцами по циновке. Его тонкие брови задумчиво сдвинуты.

– Наверное, в кресле того пола, который им ближе?

– И что тогда? В какой-то момент кресло перестанет работать? – упорствую я. – Нам же говорят, что система управления строится на различиях между полами. Разве пилотирование идет не из психики? Тогда почему всегда жертвуют только девушками?

– Я... я не знаю.

Я склоняюсь над планшетом, ища обоснованный ответ, но наталкиваюсь на красный предупредительный баннер:

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: В ДОСТУПЕ ОТКАЗАНО
ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ**

– Ты не найдешь в открытых источниках ничего, связанного с конструкцией хризалид. Нельзя допустить, чтобы люди строили их самовольно.

Ичжи забирает у меня планшет.

Я отдаю его без сопротивления и устремляю взгляд на бабочку с крыльями инь и ян.

Женщина. Этот ярлык не дает мне ничего, кроме подчиненного положения, когда мне диктуют, что можно, а что нельзя. Никуда не выходи без разрешения. Не носи открытую одежду. Не разговаривай слишком громко или нелюбезно, вообще помалкивай, когда говорят мужчины. Всю жизнь думай только о том, насколько ты приятна глазу. Никакого будущего, знай рожай мужу сыновей или умри в хризалиде, отдав всю свою энергию кому-то другому, к вящей его славе.

Все мое существо словно бы сковано слишком тесным коконом. Будь моя воля, я бы жила подобно этой бабочке – так, чтобы посторонним было нелегко навесить на меня немудреный ярлык.

– Ичжи, а ты веришь, что девушки от природы предрасположены к самопожертвованию? – бормочу я.

– Ну, это вряд ли. Ты вот девушка, но тебя ни за что не заставишь пойти на жертвы.

– Эй! – Сквозь мрачную задумчивость прорывается смех.

– А что? В чем я не прав? – Он упирается ладонями в бедра.

– Ладно, ладно! Ты прав. – Мое лицо растягивается в широченной улыбке.

Но потом кончики моего рта опускаются.

Я не хочу жить и страдать ради кого-то другого. Я погибну, мстя за сестру.

Ичжи улыбается, ничего не заметив.

– Впрочем, честно говоря, нет ничего плохого в том, чтобы ценить свою жизнь. Борься за то, чего ты хочешь. По-моему, это достойно восхищения.

– Ого, – вяло фыркаю я. – Тебя настолько околдовали мои новые брови?

Ичжи смеется.

– Мне не хватит храбрости солгать тебе, а потому вынужден признать – ты действительно похорошела. В общепринятом смысле. – Его улыбка смягчается. Глаза вспыхивают в лоскутных тенях, как ночные пруды, в которых отражаются звезды. – Но ты все та же Цзэтянь, которую я знаю. По-моему, ты самая сногшибательная девушка в мире, как бы ты ни выглядела.

По моему сжавшемуся сердцу пробегает трещина.

Я не могу. Я не могу уйти, не сказав правду.

– Ичжи, – произношу я голосом темным, как дым.

– Прости, кажется, я... О нет. Это было слишком? – Он испускает смущенный смешок. – Насколько неудобно ты себя почувствовала по шкале от одного до...

– Ичжи. – Я хватаю его за руки, словно это поможет подготовить его к тому, что сейчас произойдет.

Он умолкает, озадаченно глядя на наши сомкнутые руки.

И я решаю:

– Я завербовалась в наложницы к пилоту.

Он роняет челюсть.

– К какому пилоту?

Я открываю рот, но не могу выплюнуть имя этого ублюдка.

– К тому самому.

Он заглядывает мне в глаза.

– Ян Гуану?

Я киваю. На моем лице не осталось и капельки тепла.

– Цзэтянь, он убил твою сестру!

– Именно поэтому. – Я отпускаю руки Ичжи и вытягиваю из волос длинную деревянную шпильку. – Я стану его наложницей, прекрасной и пылкой. А потом, – я разнимаю шпильку, демонстрируя острый наконечник, спрятанный внутри, – перережу ему горло, пока он спит.

Глава 2. Вода, выплеснутая за дверь

Я ковыляю одна по горным тропкам, опираясь на бамбуковую трость. На меня наплзает сетчатый лесной сумрак, прорезаемый лезвиями багрового заката. Если я не вернусь до того, как солнце скатится за горы на западе, мои родичи решат, что я в последний раз попыталась сбежать. Вся деревня, вооружившись фонариками, кинется прочесывать горы в сопровождении бешено лающих собак. Они не позволят своим дочерям думать, что у тех есть шанс на побег.

Мокрые листья превращаются в кашу под моими крохотными потрепанными туфлями, которые Ичжи много раз предлагал поменять на новые. Но я не могу принимать от него подарки – боюсь, что мои родичи о нем узнают. Я вспоминаю выражение ужаса на его лице после моего признания о взятой на себя миссии и надломленный голос, зовущий меня, когда я исчезла в лесу, чтобы избежать продолжения этого разговора. В горле образуется комок. Не надо было ему рассказывать. Он обязательно попытался бы меня остановить.

И теперь этот страшный момент – наше последнее общее воспоминание.

Я не уверена, что слышала рокот планоцикла над верхушками деревьев, но надеюсь, Ичжи покинул горы. Он ничего не может изменить. Я ему не принадлежу. И никому не принадлежу. Они могут думать, что владеют мной, но сколько бы они ни ругали меня, грозили и били, они не могут контролировать то, что происходит в моей голове. Наверное, это бесконечно их бесит.

Кровавая дымка заката проглядывает в конце тропинки. Когда я выхожу из лесного сумрака, моему взору открываются рисовые террасы, на которых я выросла. Горные склоны изрезаны ступенями, возносящимися к небесам. На каждом ярусе, отражая пылающий закат, посверкивают каналы с дождевой водой, питающей рис. Воспаленные облака плывут в каждом клинышке воды, мимо которого я прохожу. Моя трость хлюпает в серой почве. Из домов, сгрудившихся на каждой террасе, поднимается дым – там готовят ужин. Струйки дыма вплетаются в оранжевый, окрашенный сумерками туман, клубящийся над самыми высокими вершинами.

Пронзительно морозной зимой, когда мне исполнилось пять лет, пал настолько жестокий холод, что рисовые террасы промерзли до основания, и бабушка заставила меня пройти по льду без обуви. Дождавшись, когда мороз, глубоко проникший в мою плоть, окрасил ее лиловым, бабка прогнала из дома всех мужчин, усадила меня на промерзлый бетонный пол и опустила мои ноги в деревянное корыто с кипящей свиной кровью и обезболивающими лекарствами. Две мои тетки прижимали меня к полу, пока бабушка ломала напополам каждую косточку моих стоп.

Вопль, вырвавшийся у меня тогда, до сих пор порой взрывается в моей памяти, когда я меньше всего этого жду. И я замираю, как оглушенная.

Впрочем, это не повод для боли. Болью меня не удивишь, потому что она всегда со мной. Она молнией пронзает мои ноги при каждом шаге.

При. Каждом. Шаге.

Я не прогуливаюсь. Та обжигающая прогулка по замерзшей рисовой террасе была последней в моей жизни. С тех пор ступни превратились в бесформенные бугры, на которых можно только ковылять. В трех пальцах началось воспаление, и они отвалились, что едва меня не убило и нарушило мое равновесие навсегда. Оставшиеся пальцы подогнуты под подошвы и касаются пяток, словно пытаются выдавить месиво из костей и плоти вверх, к икрам. Мои ступни меньше, чем ладони. Пара идеальных «лотосовых ножек».

Что реально повышает мою рыночную стоимость.

Родичи вечно бранят меня за неухоженную растительность на лице и излишки жира вокруг талии, но худшие упреки и визг я слышу тогда, когда бунтую против слишком тугих

бинтов на ногах. Густые брови можно выщипать, от лишнего веса избавиться, поголодав, но «лотосовые ножки» перестанут быть лотосовыми, если позволить им расти. Ни один мужчина из уважаемой семьи не женится на девушке с незабинтованными ступнями.

– Без этого ты ничем не отличаешься от жунди! – однажды во время ритуала перевязки заорала на меня бабка, разозлившись на мои стоны и всхлипы. Она имела в виду кочевые племена, в основном обитавшие в диких землях и готовые в любой момент закинуть все свое имущество на спины лошадей и сбежать от хундунов. Некоторые из них обосновались в Хуася, когда мы вытеснили хундунов с больших участков, другие постоянно просачивались через Великую стену упорными струйками. На наших приграничных территориях их обосновалось немало. Родичи всегда предостерегали меня: «Не будь как их женщины, которые шляются где попало без всяких представлений о морали, стыде и приличиях».

В детстве я поддавалась на эти увещевания и боялась превратиться в такую женщину. Но чем старше я становилась, тем чаще недоумевала: а что в них, собственно, плохого?

Я ковыляю мимо группки домов, расположенных высоко на склоне. Несколько мужчин, стоящих по колено в воде, отрываются от работы и с воодушевлением пялятся на меня. Пойти за мной они не посмеют – тут все всех знают, – но никогда не откажутся продемонстрировать свои желания.

Видите ли, когда приграничную девушку, хотя бы немного привлекательную, вербуют в пилоты-наложницы или продают богатым мужчинам в городах, приграничным мужчинам сложнее находить жен, которые родили бы им сыновей. Цены на невест взлетели до десятков тысяч юаней. Местные семьи не могут этого себе позволить... если только не отдадут собственных дочерей в армию или не продадут богатым горожанам.

Порочный круг, и не видно ему конца. Никто не живет в приграничье по своей воле. Многие из нас находятся здесь только потому, что дома наших предков остались в провинции Чжоу, павшей под натиском хундунов двести двадцать один год назад.

Я бросаю на мужчин взгляд, полный ненависти. Пруды на террасах, отражая свет заката, сияют, как расплавленная медь, и я воображаю, что вокруг мужчин поднимается настоящий огонь, вскипает вода, сваривая их живьем.

И тут моя трость ломается, я падаю.

Гравитация. Одно из первых научных понятий, о котором мне рассказал Ичжи. Она бросает меня на слякотную тропинку, и я чуть не оказываюсь на рисовом поле. Моя ладонь оставляет глубокую выемку в грязи, в лицо летят холодные плотные брызги.

Я поднимаюсь на руках. Серая масса падает с моего пылающего лица и прилипает к тунике. Я готовлюсь услышать гогот.

Но не слышу.

Мужчины бегут по террасам, поднимая брызги, возбужденно вопя и собираясь в кучку вокруг одного, держащего планшет.

По моему телу прокатываются волны дрожи.

Вернее, волны пробегают по воде на террасах.

У меня перехватывает дыхание. Легко узнаваемые вибрации поднимаются из земли и колышут воду.

За границей начинается битва между хризалидами и хундунами.

Я прижимаюсь ухом к земле, не забывая о том, что так испачкаюсь еще больше и намочу головную повязку. До Великой стены всего лишь несколько гор. В ясные дни видны пыльные, безжизненные пики, из которых дислоцированные там хризалиды высосали насуху всё ци.

Мужчины, наверное, смотрят сражение в прямой трансляции и делают ставки на боевой рейтинг, который получит каждый пилот. Но совсем другое – ощущать, как дрожит земля под поступью хризалид. Дикое, нутряное, ошеломительное чувство.

Какая мощь!

У меня пересыхает в горле, и все же рот наполняется слюной. Я закрываю глаза и представляю, как распоряжаюсь хризалидой, возвышаясь над зданиями, и крушу землю своими колоссальными конечностями или сверкающими взрывами ци. Я могла бы раздавить любого, кто попытается раздавить меня. Я могла бы освободить всех девушек, которые захотели бы сбежать.

В мои грезы наяву врывается торжествующий вопль мужчин.

Я трясую головой. Брызги грязи залетают в рукава. Я поднимаюсь на колени, вся покрытая серыми пятнами, и тарашусь на свою сломанную трость.

Хватит уже предаваться иллюзиям.

Не знаю, сочтет ли отец, что я успела вернуться до установленного часа. Остатки солнечных лучей очерчивают наши горы-крепости призрачным голубым ореолом, отчего их силуэты становятся зловеще похожими на хундунов.

– Где ты была? – тихо спрашивает мать из-за зарешеченного окна кухонной лачуги, прислонившейся к боковой стене дома. Ее голос так же слаб, как струйка пара, поднимающегося из огромного котла, в котором она помешивает кашу. Бабушка сидит рядом с ней на табурете и чистит летучую рыбу, пойманную в водах террас. Свет из очага пляшет на их усталых лицах. Они словно заперты в пылающей темнице.

– В лесу, – отвечаю я и передаю матери через окно мешочек с травами и корнями. Я их собираю, поэтому провожу много времени в лесу. Так я и встретила Ичжи.

– Что с тобой случилось? – Мать кладет мешочек на деревянную полку, не отрывая от меня взгляда. Пряди седых волос торчат из-под полинявшей тряпки, покрывающей ее голову, заметно колыхаясь от волн тепла.

– Упала. Трость сломалась. – Я ковыляю дальше по каменной тропинке, пролегающей между домами. Аккуратно ставлю ноги, чтобы не свалиться на черепичную крышу соседского дома, расположенного ярусом ниже.

– Повезло тебе, что началось сражение. – Мать бросает быстрый взгляд на вход в дом. В ее глазах посверкивают оранжевые искорки от огня в очаге. – Поторопись. Нельзя, чтобы отец застал тебя в таком виде.

– Хорошо.

– И почисти одежду. Завтра придут военные, не выйдешь же ты к ним грязной.

Как небрежно она это сказала! В мою грудь словно вонзается нож. Конечно, мать ничего не знает о моих истинных намерениях, но должна же она понимать, что вербовка закончится для меня неизбежной смертью.

Должна же она помнить, чем это закончилось для Старшей.

Или не должна? Иногда мать так легко притворяется, будто ничего страшного не случилось, что я начинаю сомневаться: может, это моя голова набита ложными воспоминаниями?

– Наверняка они дадут мне одежду получше. – Я устремляю взгляд на колеблющиеся за кухонным окном полосы света.

– И все равно – ты должна выглядеть прилично.

Я останавливаюсь и оборачиваюсь, чтобы посмотреть матери в глаза.

Есть одно громадное последствие моих планов, о котором я изо всех сил стараюсь не думать. Убийство представителя Железной Знати, чей максимум духовного давления выше

2000 (при том, что средний уровень – 84), повлияет на три поколения моей семьи. Мою мать, отца, семилетнего брата Далана, бабушку и дедушку, дядей и тетю казнят вместе со мной. Потому что пилоты вроде Ян Гуана слишком важны на войне.

«Дай мне хоть один повод вас уберечь». Я смотрю на мать. «Останови меня».

Мне нужно лишь одно – знак, что они достойны моего сострадания. Знак, что они ценят мою жизнь так же, как я должна ценить их жизни.

Поскольку уже нет никакого смысла сдерживаться, я выплескиваю самый свой жгучий вопрос:

– Ты и правда беспокоишься только о моем приличном виде? А не о том, что я иду на войну?

В очаге трещат поленья. Мать щурится, глядя на меня сквозь клубы древесного дыма и ароматного пара. А потом на ее лице расцветает улыбка, как полевой цветок на горящих пустошах.

– Ты послушалась! Выщипала брови. Очень красиво.

Я резко отворачиваюсь и тащусь дальше, хотя каждый шаг дается мне с трудом – все равно что ходить по оголенным проводам.

Она словно бы и не слышала моего вопроса.

Электрические фонарики мерцают по всей деревне, освещая окна, будто глаза, которыми оснащены хризалиды, но не хундуны. Ветерок пролетает над рисовыми террасами, добавляя мускусный запах тростника к ароматам скромных ужинов.

Свет оттенка пшеницы струится из открытой двери нашего дома. Дребезжащий голос комментатора пронзает наступающую ночь, вырываясь из планшета, подаренного нашей семье правительством Хуася (хотя, конечно, пользоваться им свободно могут только мужчины). Мой дед, отец и брат сидят за почерневшим от жира обеденным столом, выпучив глаза на экран. На их лицах мерцают разноцветные блики, исходящие от хризалид.

Я перешагиваю порог и спешу в комнату деда и бабки. Меня поселили к ним несколько лет назад после второй моей попытки выскользнуть из дома посреди ночи.

– ...а вот и Красная Птица!

Похолодев, я замираю на месте и едва не падаю.

О нет, только не это!

Даже мои одержимые хризалидами родичи, радостно гикающие при появлении всех прославленных боевых единиц, стыдливо умолкают. Никто не хочет признать, что Красная Птица – самая сильная хризалида в Хуася. Единственная наша хризалида класса «Король», высотой примерно пятьдесят метров в своем Исходном Облике. Но ее пилотирует Ли Шиминь, Железный Демон, наполовину жунди, бывший обитатель камеры смертников, убивший собственного отца и братьев, когда ему было всего шестнадцать. Сейчас ему девятнадцать. Его казнь отложили на неопределенный срок только потому, что у него до жути высокое духовное давление, самое высокое за последние двести лет.

У пилотов-наложниц всегда есть риск, что они умрут во время битвы, но те, кто попадает к нему, обречены на неминуемую смерть.

Выжить не удалось никому.

Девушка скоро умрет.

– Эй!

Голос отца выдергивает меня из моих мыслей. Я испуганно вздрагиваю, хватаясь за деревянные стены.

Ножки его стула скрипят о бетонный пол. Он встает, по нахмуренному лицу скользят тени.

– Ты почему такая грязная?

Ледяной пот скапливается у края моей повязки.

– Упала на террасах.

В кои-то веки не соврала.

Из планшета доносится лязг – столкнулись дух-металл и ци. Мои дед и брат продолжают смотреть, словно все в порядке. Отец обходит их и устремляется ко мне. Узел поредевших волос жалко болтается на его голове и бьет по затылку.

– Смотри у меня, если ты водишь шашни с каким-то парнем!

– Конечно, нет. – Я отступаю назад и ударяюсь плечом о дверь в комнату деда и бабки.

Соврала наполовину. Я просто разбила чье-то сердце.

Отец подходит ближе, нависает надо мной так, что у меня начинает двоиться в глазах.

– Смотри у меня, если не пройдешь проверку на девственность...

От одного этого слова меня встряхивает, и страх улетучивается.

– Говорю в последний раз – никто в меня не пролез! – кричу я. – Прекрати! Тебя на этом переклинило.

Он потрясенно моргает. Но я чувствую, как в нем поднимается ярость.

Я проскальзываю за дверь и захлопываю ее перед его носом.

– Что ты мне только что сказала? – От его криков дрожит дом, кулаки молотят по двери. Латунная ручка сотрясается, судя по звукам, в ней что-то сломалось.

– Я ноги разматываю! – Прижавшись спиной к двери, я начинаю выполнять свою угрозу. Незабинтованные ступни гораздо более неприличны, чем обнаженная грудь. Не говоря уже о запахе гниющей плоти, который можно причислить к биологическому оружию, единственному в своем роде. Девушки должны поддерживать фантазии о своей красоте и изяществе, пользуясь духами, нося вышитые туфли и никогда не снимая обмотки ни перед кем, даже своими мужьями.

Кулаки отца оставляют дверь в покое, но легкие продолжают работать. «Непочтительная! Неблагодарная! Шлюха!»

Типично.

Доносится слабый голос матери, пытающейся успокоить отца. Брат смеется. Дед подкрутил звук трансляции до предела. А в хризалиде ради всего человечества умирает девушка.

Я не решаюсь выйти из комнаты на ужин.

В животе урчит и булькает, как овсянка, которой ему хочется, но я не покидаю плетеное кресло моей бабки и держу ступни в деревянном корыте – том самом, в котором их готовили к переломам.

«Вот видишь! Ну и нечего бояться, что твои родственнички пострадают» – с этой мыслью из глубин подсознания просачивается моя гнилая, отвратительная сущность.

Я выдергиваю деревянную пробку из высокого термоса, который мои дед и бабка держат в своей комнате.

«Им на тебя наплевать».

Выливаю в корыто очередную порцию горячей воды. Лекарственные травы и корни бешено крутятся под струей, окрашивая воду в красно-коричневый цвет – цвет крови, забытой в темном углу.

«Вот и ты на них наплюй».

Над моей головой жужжит фонарь. В мрачных углах комнаты движутся тени, и кажется, что они подползают ближе. Я опускаю термос и устремляю пустой взгляд на кучу соломы рядом с кроватью деда и бабки – мое ложе для сна. В Хуася есть такая пословица: девушка, вышедшая замуж, – как вода, выплеснутая за дверь. В отличие от своего брата Далана, который передаст следующим поколениям имя семьи У, будет жить в доме и заботиться о родителях, я не оставлю долгого следа в жизни родичей. За меня нужно назначить цену и сбыть с рук. У меня нет даже собственной кровати – они этим не озаботились.

Из-за стены доносятся приглушенные звуки: стук палочек о миски, восторженная болтовня Далана о битве. Хризалиды победили. Разумеется. Если бы сражение закончилось иначе, в деревенских громкоговорителях взревели бы сирены, и мы бы бросились на восток, как наши предки из провинции Чжоу.

Взрослые помалкивают. Надеюсь, они думают обо мне.

Надеюсь, сходя в могилу, они пожалеют о том, как относились ко мне и Старшей.

Впрочем, людей, приговоренных к семейной казни, не кладут в могилы.

Я вздрагиваю, выталкивая из головы образ наших гниющих тел, висящих на Великой стене.

Открывается дверь. Я сжимаюсь в кресле, не зная, на чем остановить взгляд, и надеюсь, что глаза у меня не такие красные и опухшие, как кажется мне самой.

Мать, доковыляв до меня на перебинтованных ногах, протягивает мне миску с овсянкой. Я принимаю ее с неловким кивком. Обхватываю холодными пальцами горячий фарфор. Горечь, как слезы, заполняет мой рот. Мать садится в изножье кровати. В животе у меня тугими кольцами сжимается напряжение.

«Что ей нужно?» – огрызается какая-то часть меня, а другая часть продолжает свое: «Останови меня!»

– Тяньтянь, – произносит она мое детские прозвище, потирая старые ожоги на руках, – нельзя разговаривать с отцом в таком тоне.

– Он первый начал. – Я бросаю на нее сердитый взгляд, хотя мои щеки обжигает стыд. Подношу миску ко рту, чтобы спрятать лицо.

«Останови меня! – твердит каждый удар моего сердца. – Останови меня. Останови».

Но мать лишь печально хмурится:

– И почему тебе всегда нужно все портить?

Я крепче сжимаю миску.

– Мама, ты правда думаешь, что, всегда уступая, ты облегчаешь себе жизнь?

– Дело не в легкости жизни. Важнее сохранить мир в семье.

Я издаю мрачный смешок.

– Скажи ему, пусть не волнуется. Через два дня я уйду. И тогда он получит свой мир.

Мать вздыхает:

– Тяньтянь, просто твой отец очень сильно переживает. В глубине души он знает: ты в конце концов образумилась, поняла, что важно на самом деле. Он гордится тобой. – Она улыбается. – Я тобой горжусь.

Я скованно поднимаю голову.

– Вы гордитесь мной, посылая на смерть?

– Еще неизвестно, как все сложится. – Она избегает моего взгляда. – У тебя сильный разум. Разве тестировщики не сказали, что твое духовное давление выше пятисот? В пять раз больше среднего уровня! И это было четыре года назад. С тех пор оно наверняка поднялось. Ты и принц-полковник Ян можете стать Слаженной Парой. Ты можешь стать его Железной Принцессой.

– В Хуася всего три Железные Принцессы! – В моих глазах стоят слезы, скрывая за туманной дымкой лицо матери. – Их духовное давление – несколько тысяч! Какие у меня шансы? Это всего лишь фантазии, чтобы заморочить головы девушкам.

– Тише, Тяньтянь. – Мать бросает испуганный взгляд на дверь.

– Тебя эти фантазии тоже утешают? – продолжаю я. – Помогают спокойно спать по ночам?

Ее глаза влажно блестят.

– Почему ты не можешь просто принять, что делаешь доброе дело? Ты станешь героиней. А эти деньги Далан сможет отдать за невесту.

Я швыряю миску на пол. Фарфор разбивается, овсянка разлетается вязкой горячей массой.

– Тяньтянь! – Мать неуклюже понимается на ноги. – Тут спят твои бабушка и дедушка!

– Да ну? И что они мне сделают? – ору я, повернувшись к двери. – Побьют, чтобы я оттолкнула Ян Гуана свежими синяками? Отправят в свинарню, чтобы я оттолкнула его запахом? Если вам так сильно нужны эти деньги, вы больше ничего не можете мне сделать!

– Тянь...

– Выметайся!

«Нельзя с ней так разговаривать, – упрекает голос в моей голове, до боли похожий на голос Старшей. – Она твоя мать. Она подарила тебе жизнь».

Нет, она мне не мать. Она предала меня.

Тяжело дыша, я наклоняюсь вперед и хватаюсь ладонями за колени. Голос прорывается сквозь рыдания:

– Надеюсь, в следующей жизни между нами не будет ничего общего.

Глава 3. Жизнь, которой тебе хочется

Родичи обходят меня молчанием до самого утра, когда я должна покинуть дом. Да и в этот момент они лишь выкрикивают мое имя.

Я, пошатываясь, встаю со своей соломенной постели, на которой промаялась всю ночь, и кручу, кручу в руке деревянную шпильку, как толстую палочку для еды.

Что они там раскричались? Увидели издалека планолет? Он должен отвезти меня к Великой стене.

– Тяньтянь! – Голос бабки приближается к двери. – Там к тебе какой-то парень!

Я спотыкаюсь, рука ударяется о спинку кровати.

Парень?

Нет. Нет, это не может быть...

Ошеломленная, я ковыляю к двери. Опасное предчувствие загорается в груди красным сигналом тревоги. Сердце колотится в кончиках пальцев, и кажется, будто оно, а не моя ладонь распахивает дверь.

От яркого света больно глазам. Потом, когда пятна исчезают, я вижу его. Ичжи. Залитый пылающими лучами солнца, он стоит перед входом и умоляет о чем-то моих родичей, а те хоронятся в темной глубине дома, словно пещерные создания. Его белый шелковый халат с вышитым золотым рисунком из бамбуковых побегов и листьев сияет, как нечто из потустороннего мира.

Я никогда не видела его иначе как в крапчатой лесной тени. На какое-то мгновение я сбита с толку – это и правда он? Но его мягкий тенор ни с чем не спутаешь.

– Тетушки, дядюшки, поверьте, я могу заплатить любую цену. – Он показывает моим родичам металлическую пластину своего удостоверения личности. – Прошу вас. Позвольте мне жениться на вашей дочери.

Мое сердце проваливается вниз, словно я пропустила ступеньку, спускаясь по лестнице вдоль террас.

Мои родичи потрясены. Отваливаются челюсти. Ладони прижимаются к губам. Бабка, стоящая ближе всех ко мне, переводит озадаченный взгляд с Ичжи на меня и обратно. Наверное, в их головах начинают звенеть колокола и взрываться петарды при виде его фамилии на табличке и адреса: Чанъань⁶, столица Хуася.

Они могут вообще запретить мне садиться в планолет.

Не раздумывая и не произнося ни слова, я расталкиваю родичей, хватаю Ичжи за запястье и тащу в полумрак дома. Его рот удивленно приоткрывается. Он едва не спотыкается о порог. Но потом мы встречаемся взглядами, и его глаза вспыхивают, пронзая мое сердце уколom острой боли.

Я затаскиваю его в комнату деда и бабки. Даже его обувь звучит как-то иначе, соприкасаясь с нашим обшарпанным бетонным полом.

– Не входите, – предупреждаю я родичей, прежде чем захлопнуть дверь, подняв облако пыли.

Поворачиваюсь к Ичжи. Луч солнца из окна падает на него, как небесное лезвие, и в этом свете шелк его халата кажется лунно-белым, а кожа прозрачной.

Мой голос разрывает тишину.

⁶ Чанъань (Chang'an) – ныне не существующая древняя столица нескольких китайских государств. Название в переводе с китайского означает «долгий мир».

– Это мой дом. – Ичжи выглядит настолько неуместным на фоне грязных деревянных стен, что я начинаю сомневаться – не сон ли все это? – Ты не должен был сюда приходить. Ни за что и никогда. Как ты вообще меня нашел?

– В официальной книге записей. – Он сплывает, глаза, обрамленные густыми ресницами, гаснут. – Цзэтянь, я могу отвезти тебя в столицу.

– Нет, не можешь! – выпаливаю я, потому что родичи наверняка подслушивают. – Это ты просто так говоришь. Твой отец никогда не позволит нам пожениться!

– У него еще четырнадцать сыновей. Переживет.

– Да неужели? Разве он не хочет женить тебя на внучке какого-нибудь высшего чиновника? Вряд ли он стал самым богатым человеком в Хуася потому, что упускал возможности!

– Тогда мы создадим свои собственные возможности. Мы разберемся с этим вместе. Пока есть жизнь, есть и надежда. – Ичжи поднимает мою ладонь в поток света из окна. Его слова дрожат, как зимний воздух, и падают, как снег. – Но какую жизнь я бы себе ни создал, она бессмысленна без тебя.

Свет колыхнется перед моими глазами, размывая лицо Ичжи.

Я знаю, каково это – испытывать боль. Я знаю, каково это – сносить побои и оскорбления, каково это, когда тебя запирают, калечат и швыряют, как мусор. Но это?

Как справиться с этим, я не знаю.

Это кажется нереальным.

Это не может быть реальным.

На это я не клюну.

– Да брось! – Я выдергиваю руку. Уголки глаз горят, в них набухают жаркие слезы. Голос трескается от сухого смеха. – Крестьянская девчонка из приграничья выходит замуж за парня из самой богатой семьи Хуася? А покруче сказки ты не придумал? Я не четырехлетняя девочка, которой можно задурить голову.

Свет окончательно уходит из его глаз.

– Цзэтянь...

– В твоей семье я стану наложницей, большего мне не позволят. И хватит притворяться, что есть другие варианты. – Я отступаю, пошатываясь. – Ничего не выйдет. Начнутся проблемы, когда я откажусь пресмыкаться перед мерзким свинтусом, твоим папашей. Когда я откажусь прислуживать жене, которую тебе выберут. Когда я откажусь вынашивать твоего сына. Потому что я не позволю чьему-то отпрыску раздуть мое пузо и навечно связать меня по рукам и ногам. Даже твоему. И ты не сможешь все это предотвратить, потому что тебе восемнадцать и то подобие власти и денег, которое у тебя есть, зависит от милости твоего отца. Или мы можем храбро сбежать и прожить скромными рабочими-мигрантами в каком-нибудь городке. Но я, не добившись того, что хотела, буду несчастна. Я буду постоянно думать о том, что добровольная смерть принесла бы мне большее удовлетворение, чем побег с тобой. Ты этого хочешь? Такой жизни тебе хочется, Гао Ичжи?

После моей речи мы проваливаемся в удушающую тишину.

Ичжи смотрит на меня, словно прекрасный бессмертный, спустившийся из Небесного Двора, но споткнувшийся о концепцию каннибализма.

А потом снова становится шумно.

За окном нарастает рокот. Среди гор взвиваются мощные ветры, шелестя листвой на деревьях. Наши свиньи и куры испуганно хрюкают и кудахчут в своих загонах на заднем дворе.

А вот это, скорее всего, и есть планолет.

Я слышала подобный грохот раньше, когда увозили мою сестру. До того момента, когда планолет завис над нашим домом, я не создавала, что это означало для нее. Его стальная обложка мерцала, как белое пламя. Аккуратно постриженный солдат в оливково-зеленой форме спустил веревочную лестницу во двор. Никто не сообщил мне о том, что планировалось. Вклю-

чая Старшую. Они понимали: если я узнаю об этом заранее, то учиню что-нибудь непредсказуемое.

Тогда я никого не смогла остановить.

А теперь никто не сможет остановить меня.

– Цзэтянь, – шепчет Ичжи, наклоняясь ко мне, – должен быть другой способ убить Ян Гуана. У моей семьи есть связи...

– Если бы ты мог что-то сделать, ты бы уже сделал, – рычу я тихо. – Невозможно иначе подобраться к пилоту, настолько могущественному и популярному. Просто невозможно!

– А как насчет его семьи? – произносит Ичжи тише, глубже. Его глаза угрожающе темнеют, он словно в исступлении. Раньше я несколько раз подмечала этот его взгляд. – Они не настолько неуязвимы. Может, достаточно их?..

– Нет! – выдыхаю я. Ичжи, видимо, и правда дошел до предела отчаяния. – Они не делали того, что сделал он. И какой смысл?

– Тогда просто позволь ему умереть в сражении. Даже пилоты-мужчины редко доживают до 25.

– Ты не понимаешь. Это должна быть я. Мне необходимо это сделать. Отомстить за смерть Старшей собственными руками.

– Почему? – Он сдвигает красивые брови. – Карма до него доберется.

– Кармы не существует. – Я чеканю каждый слог, будто хочу раздробить их зубами. – А если даже и существует, наверняка ей плевать на таких людей, как я. Некоторые из нас рождены для того, чтобы ими попользовались и выбросили. Мы не можем себе позволить плыть по течению, потому что ничто в этом мире не создано, не построено, не подготовлено для нас. Если мы чего-то хотим, мы должны всему сопротивляться и брать свое силой.

Ичжи нечем на это возразить. Вокруг его глаз прорезаются морщинки усталости. Бьющие в окно и все усиливающиеся потоки воздуха от планолета взвихряют длинные волосы Ичжи, отбрасывают их в сторону.

– Мы все когда-нибудь умрем, – произношу я более мягко. – Разве тебе не хотелось бы уйти, сначала исполнив свою мечту?

– Моя... – Ичжи раздвигает побелевшие губы, потом снова закрывает рот. Я не могу оторвать от него глаз. – Моя самая главная мечта – быть с тобой. Больше не прятаться. Ничего не стыдиться.

Струны моей души завязываются в узлы.

– Тогда придумай себе мечту покрупнее, Ичжи.

Рокот планолета приближается, пронизывает дом, сотрясая стены.

– Никаких сожалений? – Ичжи придвигается еще ближе. – Ты правда не хочешь пойти со мной?

– Мне все равно пришлось бы бороться, только в городе, а не в деревне, – бормочу я, не отводя взгляда от его губ. Во мне растет новое, неизведанное напряжение. – Я устала. Просто устала.

– Но мы могли бы...

Я обхватываю его лицо ладонями – и вот нас уже больше ничто не разделяет. Его мольба гаснет между нашими губами.

Во мне расцветает тепло, какого я никогда не ощущала прежде. Оно проникает в кровь, и клянусь, оно светоносно. Губы Ичжи сначала напряжены от неожиданности, но потом сливаются с моими. Он поднимает дрожащую руку и слегка касается моей шеи – словно боится дотронуться до меня, боится, что все это происходит в его фантазиях, а не на самом деле.

Прервав поцелуй, я запутываю пальцы в прядях волос на затылке Ичжи и прислоняюсь лбом к его лбу. Теплые волны наших вздохов смешиваются в общем круговороте.

Может быть, если бы все было по-другому, я бы к этому привыкла. Позволила бы его теплу и свету, его заботе убаюкать меня. Почувствовала бы себя любимой.

Но я не верю в любовь. Любовь меня не спасет.

Я выбираю мечь.

Собравшись с силами, разрываю объятие и отталкиваю Ичжи.

– Это ты пытался получить, да? – бесстрастно произношу я, стараясь не замечать его взъерошенные волосы, боль в его глазах. – Вот и получил. А теперь отпусти меня. Если тебе удастся добыть мое тело, сожги его и высыпь прах в ручей. Так я последую за Старшей, где бы она ни была.

Из его глаз вытекают влажные струйки, посверкивая в лучах солнца.

Больше не могу на него смотреть. Я разворачиваюсь и шагаю к двери.

Но останавливаюсь на полпути.

– И последнее, – бросаю я через плечо, стараясь говорить тихо, чтобы не расслышали мои родичи. – Не думай, что я посмотрю сквозь пальцы на то, как ты пришел в мой дом и чуть не разрушил мои планы. Хотя и знал, насколько они для меня важны. Если ты хоть что-то намекнешь военным и они меня запрут, я убью себя и буду являться тебе в кошмарах.

Я распахиваю дверь и покидаю Ичжи навсегда.

Глава 4. Готова служить

Полутемная камера под Великой стеной. Металлическая платформа, заставленная оборудованием для тестирования. Сияющий игровой экран на потолке – я должна сосредоточиться на нем взглядом, пока меня крутят на испытательном столе.

Я вот-вот залью рвотой свой новенький наряд наложницы, когда испытательный стол резко останавливается. Прижимая руку к животу, я опускаю липкий игровой контроллер. В голове все бултыхается, будто я по-прежнему верчусь. Теперь я понимаю, почему это испытание намеревались провести сразу после нашего прибытия. Но возникли какие-то проблемы с оборудованием, так что было решено сначала заняться внешностью.

– Шестьсот двадцать четыре! – провозглашает тетушка Доу, старшая прислужница, считывая показатель моего духовного давления с призрачно светящегося монитора. Ее голос отскакивает эхом от металлических стен.

Я потрясена, пять других девушек, сидящих на скамейке ниже тестовой платформы, изумленно перешептываются. До этого момента их показатели ограничивались двузначными числами, за исключением одного – сто восемнадцать.

Когда мне было четырнадцать лет, в нашу деревню прибыла команда тестировщиков и проверила всех детей, но я не предполагала, что их высокая оценка моего духовного давления окажется точной. Духовное давление – мера способностей психики, уровень силы, которую использует человек, чтобы направить в нужное русло свое ци. Только три процента людей выходят за границу пятисот – необходимый минимум для активации хризалиды. Все это настолько нелепо, что я едва сдерживаю смех.

Будь я юношей, моя жизнь превратилась бы в сказку. Мне бы выдали мою собственную трансформирующуюся боевую машину, чтобы сражаться с механопланетянами, меня бы любили и восхваляли, в моей сторожевой башне мне прислуживала бы толпа наложниц.

Но я не юноша, и мой показатель означает только одно: я переживу больше битв, чем многие пилоты-наложницы.

Впрочем, я пришла сюда не для этого.

Тетушка Доу, обойдя свои мониторы, подходит ко мне, ее тень на стене растет по мере приближения. Волосы затянуты в высокий тугой узел. Золотая окантовка и пуговицы темно-зеленой туники мерцают при свете игрового экрана.

– Мои поздравления, госпожа У, – говорит она, снимая датчики, прикрепленные к моей голове. – Вы поступите на службу к принцу-полковнику Яну как полноправная супруга-консорт.

Вот это да! Даже Старшая получила только уровень наложницы, а моя начальная стоимость в четыре раза выше. Родичи придут в экстаз.

По крайней мере, на несколько дней. Ха!

– Только запомните, это мерило не окончательное. – Тетушка Доу повторяет ту же нудную речь, которую выдавала остальным. – Все может измениться, когда вы попадете в хризалиду. Зависит от того, насколько вы подойдете принцу-полковнику Яну. Вы потерпите неудачу, если не сможете проникнуться его разумом. Или преобразитесь, поднявшись выше, к его уровню. Мой вам совет: постарайтесь понять его, поддерживать и помогать, какой бы тяжелой ни была битва. Делайте свою работу, и тогда, возможно, вы даже станете его Железной Принцессой.

Мне едва удастся сдержаться и не фыркнуть. Даже перед лицом конкретных цифр она пытается заморочить нам головы, чтобы мы поковыляли навстречу своей смерти с улыбкой, с верой в то, что нас ждет какое-то особенное, исключительное будущее.

Я кладу контроллер и опускаю ноги с испытательного стола, обитого потрескавшейся кожей. Шажок за шажком спускаюсь с платформы по узорной стальной лесенке, шелковые

вышитые туфельки стучат по металлу. Холодный воздух крадет мое тепло. Я покрываюсь гусиной кожей – ошеломительное ощущение, поскольку на моем теле повыдергивали все лишние волоски. На языке почему-то возникает кровавый привкус ржавчины.

Остальные претендентки, обхватив себя руками, жмутся на длинной скамейке, прикрепленной к стене. Бледное свечение экранов добирается до них издалека. Их тени притаились на мерцающей металлической стене позади, словно хищники, готовые их проглотить.

Следующая девушка в очереди на тестирование опускает руки и встает со скамейки. Мы проходим мимо друг друга в призрачном мерцании наших костюмов, окрашенных в пастельные тона. Зеленый, желтый и белый – цвета Ян Гуана. Свободные наряды, значительно более яркие и прозрачные, чем наряды тетушек, разлетаются, как акварели, вокруг наших отчищенных, умащенных, тщательно обследованных и надушенных тел. Низкий вырез на груди – я никогда так не обнажалась на публике. Дымчато-зеленая шелковая гирлянда змеится по рукам и спускается по спине.

Меня скручивает волнами тошноты, но я отталкиваю все неприятные ощущения. Нельзя показать, что я не готова. Пусть я и начинаю как консорт, но Ян Гуан легко может выбрать и продвинуть другую девушку. Если я не заслужу его благоволение, то попросту затеряюсь в толпе служанок, населяющих его сторожевую башню.

И тогда убить его будет намного сложнее.

– Вы здесь для того, чтобы обеспечить уют и общение одному из величайших героев современности. – В моей голове прокручивается вступительная речь тетушки Доу, которую она произнесла, когда мы, дрожа, выстроились перед ней в ряд. – Начиная с сегодняшнего дня смысл вашей жизни – доставлять ему удовольствие, чтобы он оставался на пике своей физической и духовной формы для борьбы с хундунами, угрожающими нашим границам. Его благополучие должно занимать все ваши мысли. Вы будете приносить ему еду, когда он проголодается, наливать воду, когда ему захочется пить, будете с живым энтузиазмом участвовать в его развлечениях. Когда он говорит, слушайте во все уши, не перебивая и не возражая. Вам не позволено кукситься, проявлять пессимизм, безразличие и – самое главное – отрицательно реагировать на его прикосновения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.